

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 195–204. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 195–204. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

УДК

EDN PVWKOY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-195-204>

К ВОПРОСУ ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Вольфсон Владимир Леонович, кандидат юридических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Аннотация. В цивилистической доктрине существует дискуссия относительно допустимости «отрицательных» обязательств – то есть тех, которые исполняются бездействием. По мнению автора, эта научная проблема оказывается семантическим клубком, в котором сплелись разнородные представления о существенных признаках обязательств. Её решение позволит не только распутать узел, но и проследить, к каким истокам идут смысловые нити, что позволит лучше понять природу смешавшихся юридических явлений. Отталкиваясь от понятия обязательства, автор показывает безосновательность представлений о видовой самостоятельности «отрицательных» обязательств: воздержание от действия – не более чем способ перемещения стоимостного блага. Не остаются без внимания и несостоятельные возражения против признания таких обязательств, в частности мнение об их несовместимости с запретом на ограничение правоспособности. Опровергается и представление о неприменимости к обязательствам, которые исполняются воздержанием от действия, общих положений об обязательствах. На практических примерах обсуждаются отличия от таких обязательств иных правовых явлений. По мнению автора, во избежание институциональной путаницы в ГК целесообразно включить указание на то, что обязательства могут исполняться воздержанием от действия.

Ключевые слова: понятие обязательства, субъективный интерес, негативное обязательство, исполнение обязательств, правоспособность.

Для цитирования: Вольфсон В.Л. К вопросу об отрицательных обязательствах в гражданском праве // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 195–204. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-195-204>

Research Article

ON THE ISSUE OF NEGATIVE OBLIGATIONS IN THE CIVIL LAW

Vladimir L. Volfson, Candidate Sciences (Jur.), North-West Institute of Management, Branch of RANEP, St. Petersburg, Russia, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Abstract. In the civil-law doctrine, there is a debate regarding the admissibility of “negative” obligations – that is, those performed by inaction. In the author’s view, this scientific problem turns out to be a semantic tangle in which conflicting ideas about the essential features of obligations are intertwined. The goal is not just to unravel the knot, but also to trace to what sources the semantic threads go, which will allow us to better understand the nature of mixed legal phenomena. Starting from the concept of obligation, the author shows the fallacy of the idea that inaction would amount to a kind of obligation on a par with action. Abstaining from action is nothing more than a way to transfer a value to another party. In order to enrich the scope of the study, the unsound objections to the recognition of such obligations are examined, one of those being the opinion of their incompatibility with the prohibition on limiting legal capacity. The article also refutes the idea that general provisions on obligations are inapplicable to obligations performed by abstaining from action. Finally, the work clarifies distinctions between such obligations and other legal phenomena with the use of case modelling. According to the author, in order to avoid institutional confusion, it is advisable to include in the Civil Code a provision indicating that obligations can be performed by abstaining from action.

Keywords: concept of obligation, performance of obligation, negative obligations, interests of the parties to civil legal relation, legal capacity.

For citation: Volfson V.L. On the Issue of Negative Obligations in the Civil Law. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 195–204 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-195-204>

Введение. В цивилистике имеется устойчивая, берущая начало ещё в римских дигестах [Хохлов: 34] традиция выделять в качестве иерархически равноправных видов обязательства с положительным и отрицательным содержанием. Традиция эта поддерживается отнюдь не всеми учёными – по-видимому, большинство не согласится с такой классификацией и отвергнет поэтому как «отрицательные», так и «положительные» обязательства [Власова: 17]¹. Тем не менее наше гражданское законодательство (п. 1 ст. 307 ГК РФ) говорит об отрицательном обязательстве («воздерживаться от определённого действия») как о самостоятельном по отношению к «положительному» обязательству виде. При этом признание видовой самостоятельности отрицательных обязательств едва ли будет иметь практические последствия. Нам трудно усмотреть заметные другим авторам сложности с применением к этим правовым явлениям общих положений об обязательствах [Договорное и обязательственное право: 19]. Но дело не только в частной опровержимости приводимых примеров. Видовое разнообразие обязательств столь велико, что общие положения в части параметров надлежащего исполнения построены как правила по умолчанию, учитывающие это разнообразие не посредством выделения автономных режимов, а допущением в большинстве случаев такого преодоления презумпции, которое само срабатывает по умолчанию, даже не требуя диспозитивной оговорки и соответствующего волеизъявления – правило перестаёт действовать, «если иное вытекает из существа обязательства». В конце концов, в ГК закреплено множество оговорок, рассчитанных на участие в обязательственных отношениях предпринимателей, что справедливо считается меньшим злом, чем выделение автономного правового режима, а уж тем более отрасли законодательства. Поэтому независимо от меры применимости правил о «положительных обязательствах» к «отрицательным» нет необходимости в предлагаемой такими авторами оговорке: «общая часть обязательственного права применяется к негативным обязательствам, если иное не следует из существа данного обязательства» [Договорное и обязательственное право: 19]: она лишь привела бы к системной консолидации законодательства во круг спорной научной классификации.

Но и думать, что вся проблема сводится к семиотической экономии, было бы неверно. За различиями в терминологии стоит концептуальное несходство взглядов на юридическую реальность. Снисходительность цивилистов к устоявшимся понятиям обманчива. Так, учёные, которые не признают обязательства с отрицательным содержанием [Груздев: 95], полагают, что «терминологию “негативное обязательство” можно использовать лишь условно, отдавая дань ци-

вилистической традиции» [Груздев: 95]. О.С. Иоффе мирился с тем, что в ст. 158 ГК 1964 г. содержалось указание на то, что как определённое действие должника, так и воздержание от такового являются равноценными видами обязательств, но «если в законе можно говорить, что кредитор вправе требовать от должника либо совершения действия, либо воздержания от него, то подобная альтернатива, воплощенная в научном понятии, страдала бы известной неточностью» [Иоффе 1975: 3]. Другие авторы, признавая видовую субстанциональность отрицательных обязательств, до такой степени отказывают им в совместимости с институтами обязательственного права², что считают необходимым, как уже упоминалось, такого рода автономность даже закрепить в законе. Но бывает, что гносеологическое несогласие авторов с существующей понятийной системой оборачивается радикальными терминологическими требованиями. Так, В.В. Молодавкин считает неверным относить бездействия к действиям в классификации юридических фактов, так как этот подход не принимает во внимание «внешнюю форму поведения должника», а таковая, как утверждается, образует достаточный критерий деления обязательств на позитивные и негативные; поэтому в систему юридических фактов следует ввести категорию «деяние», которая охватывала бы действие и бездействие [Молодавкин: 132].

Приведённых примеров, вероятно, достаточно, чтобы стало ясно, что проблема категоризации «отрицательных обязательств» отражает значительные концептуальные расхождения. Речь идёт о различиях в понимании существенных признаков обязательств. Противоречия относительно целого не могут не привести к разным трактовкам его отдельных видов – отсюда и разногласия относительно пары «действие – бездействие» в обязательствах, в подходах к признанию «неимущественных обязательств», в воззрениях на значение для обязательственного права запрета на сделки, ограничивающих правоспособность.

Что такое обязательство? В этой статье, конечно, не удастся поставить вопрос о природе обязательств как предмете самостоятельного изучения. Мы ограничимся тем, что определим здесь то понятие обязательств, из которого будем исходить в работе, укажем на его преимущества и раскроем термины, используемые в дальнейшем.

Воззрения автора традиционны для российской науки: обязательства – это гражданско-правовые отношения, а равно обязанности (иногда называемые обязательственными связками [Агарков: 179; Рожкова: 7]), которыми опосредуется *передача* имущественно-стоимостных благ из одного хозяйственного обладания в другое [Иоффе 1975: 4]. Указанием

на передачу, а в некоторых случаях (что, вероятно, ещё точнее) – на перемещение блага эти отношения отличаются от иных имущественно-стоимостных отношений, в частности вещных, корпоративных, а также отношений по поводу перехода прав, например на использование объектов интеллектуальной собственности. Что же касается отличия обязательств от неимущественных отношений, то, казалось бы, оно восходит к таксономическому признаку более высокого разряда, а потому не нуждается в пояснениях, однако мы вскоре увидим, что это не совсем так.

Природа любого частного правоотношения познаётся через существо интереса, выраженного в составляющих его содержание правах и обязанностях. Качественно (родовой принадлежностью) интереса поэтому должны объясняться и системные различия отдельных групп имущественно-стоимостных отношений [Вольфсон 2023]. Вещные правоотношения обеспечивают удовлетворение обладателем права своего интереса в вещи как в благе, имеющем стоимостную (товарную) оценку, удерживая иных лиц от вторжения в область таких интересов. Правоотношения по поводу объектов интеллектуальной собственности исключают доступ к использованию этих объектов иных лиц, кроме правообладателей или лиц, получивших от последних разрешение, тем самым позволяя извлекать доход от рыночного спроса на получение такого доступа [Вольфсон 2021: 144–145]. Корпоративные отношения регулируют поведение субъектов корпоративного управления, направленные на обеспечение участия корпорации в имущественно-стоимостных правоотношениях и на распределение прав на имущество корпорации между её членами в соответствии с долей их участия. Особенность же обязательств как вида имущественно-стоимостных отношений заключается в том, что посредством обязательств осуществляется перемещение имущественно-стоимостных благ (то есть объектов гражданских прав) между юридически равными субъектами. Интерес здесь удовлетворяется через регулирование действий по передаче имущественно-стоимостных благ (объектов гражданских прав) от одного лица к другому. Только такое, основанное на понимании экономических интересов участников отдельных видов гражданских правоотношений, воззрение на обязательства обеспечит стройность и эффективность правового регулирования и, как мы надеемся, позволит решить те задачи, которые ставит автор в работе.

Теперь следует определиться с терминологией, а точнее (ибо нет никакой научной доблести в том, чтобы изобретать новые значения взамен устоявшихся) – закрепить вытекающие из такого смыслонаде-ления значения, в которых будут ниже употребляться часто используемые в статье термины. Обязатель-

ством будет обозначаться как особая разновидность обязанности, так и гражданское правоотношение, частью которого является такая обязанность. Исходя из этого, если об обязательстве говорится как о правоотношении, его содержанием выступают права и обязанности сторон. Когда имеется в виду обязанность, появляется категория «предмет обязательства» – это действия обязанного лица.

Отрицательные обязательства: доктрина и реальность. Итак, в силу обсуждаемого воззрения содержание некоторых обязательств образуется воздержанием от действий (*non-facere*) или даже «претерпеванием» (*pati*), и это качество должно быть представлено в системном делении обязательственного права. Это воззрение возобладало и в сознании законодателя – в соответствии со ст. 307 в силу обязательства одно лицо обязано совершить в пользу другого лица определённое действие *либо воздержаться от определённого действия*, а в п. 6 ст. 393 устанавливаются санкции за ненадлежащее исполнение такого обязательства, причём оно эксплицитно названо «негативным». Таким образом, воздержание от действия признаётся родом обязательства, а не его исполнения. Вместе с тем ссылки на то, что негативные обязательства признаются в силу укоренившейся во влиятельных юрисдикциях традиции [Большакова: 22–23], едва ли состоятельны. Так, после реформы французского обязательственного права в ст. 1101 ФГК исчезло упоминание о таких обязательствах³, а ст. 241 ГГУ говорит о воздержании от действия как способе предоставления, что соответствует излагаемой в этой статье точке зрения. Для вывода о предпочтении такой классификации законодательствами иных стран также нет оснований⁴.

Стоит разобраться с тем, что же имеется в виду под воздержанием от действия, а ещё точнее – под действием как предметом обязательства как обязанности (или содержанием обязательства как правоотношения). Если допускается существование обязательств, в силу которых вовсе не происходит передача блага из одного хозяйственного обладания в другое, такую точку зрения следует отвергнуть – во всяком случае, с представленным выше пониманием обязательства в этой работе она не совместима. Однако в действительности обязательства, которые именуют отрицательными, точно так же, как их мнимые антиподы («положительные» обязательства), такой имущественный переход предусматривают. Только осуществляется он воздержанием от *фактических* действий. Иными словами, это не более чем технический способ исполнения⁵.

Отберём для дальнейшего обсуждения обязательства, обычно относимые к «отрицательным». Например, комитент или принципал принимают на себя обязательства не поручать продавать другим ли-

цам товары (оказывать услуги) определённого вида на том же рынке, на котором они поручили совершать соответствующие сделки от своего имени комиссионеру (п. 2 ст. 990) или агенту (п. 1 ст. 1007); агент обязуется не заключать с другими принципалами договоров, подобных заключенному им со своим принципалом, если их исполнение подразумевает действия на той же территории (п. 2 ст. 1007); аналогичные ограничения в интересах контрагента могут брать на себя как пользователь, так и правообладатель по договору коммерческой концессии (абз. 2–4 п. 1 ст. 1033). Если считать передаваемым по этим обязательствам благом приращение имущества кредитора в результате таких ограничений, тогда пришлось бы признать, что содержанием (предметом) обязательства является «воздержание» или «претерпевание»⁶.

Однако легко заметить, что в приведённых примерах из воздержания от действий *как такового* приращения имущества кредитора не возникает. Ведь от отсутствия активности на рынке одного из хозяйствующих субъектов участники этого рынка ещё не увеличат свои доходы. Это лишь одно из условий, которое может привести к такому итогу, но его наступление будет зависеть от множества иных обстоятельств. Но всё встаёт на свои места, если держать в фокусе внимания интерес субъектов правоотношения [Вольфсон 2023: 10] Здесь интерес явно направлен к тому, чтобы обеспечить контрагенту конкурентные преимущества. И отказ от конкуренции – вовсе не обязательно квалифицируемый как антиконкурентное воздействие на товарные рынки – есть не что иное, как услуга со стороны лица, принявшего на себя соответствующее обязательство. Исполняется же это обязательство путём *фактического* бездействия – именно *таким способом* должником предоставляется кредитору данная услуга. *Происходит то, что и должно происходить в любых обязательствах: перемещается имущественно-стоимостное благо, меняется лишь способ его передачи.* Точно такое же положение дел имеет место при обязательстве не разглашать конфиденциальную и иную ценную информацию (например, ст. 727, ст. 762, ст. 771), а также в любых подобных случаях, которые также бесосновательно относятся к отрицательным обязательствам [Карапетов, Савельев 2: 140]. Но можно представить себе и обязательство по передаче имущества (а не только по оказанию услуг), исполняемое путём воздержания от действия. Например, в соответствии с договором должник обязуется не выбирать сверх согласованной квоты какой-либо ограниченно доступный природный ресурс (лес, воду и т. п.) – и тогда кредитор, имеющий непосредственную возможность выборки (забора) данного ресурса, будет получать его в большем объёме, поскольку

имущественное приращение не зависит от опосредующих обстоятельств. Однако и здесь воздержание (претерпевание) от действия порождает это приращение не само по себе, а как технический способ передачи имущества: можно было бы сначала приобрести соответствующий объём блага, а затем доставить его контрагенту, а можно – просто не потреблять его.

Во всех этих случаях имеет место длежащее обязательство – должник обязан производить исполнение непрерывно в течение оговоренного периода времени. Такого рода обязательства хорошо известны гражданскому праву. Помимо того, что континуальность предоставления свойственна оказанию услуг, длежащими являются обязательства по снабжению через присоединённую сеть энергией (§ 6 гл. 30 ГК) и энергоносителями (см. п. 2 ст. 548 ГК).

Несостоятельные возражения как ключ к пониманию проблемы. Некоторые возражения против «отрицательных обязательств» представляются неубедительными. И хотя нами такая категория также не признаётся как таксономический разряд обязательства, имеет смысл обратиться к этим доводам, поскольку углублению, а значит, и точности научной позиции способствует не только критика противоположной точки зрения, но и отмежевание от методически негодных аргументов в поддержку следующих из этой позиции выводов.

В научной литературе можно встретиться с указанием на то, что воздержание от определённых действий в фактическом смысле (пассивное поведение) не может составлять самостоятельный предмет обязательства и всегда лишь сопутствует активному поведению [Иоффе 1975: 3–4]. Думается, это не так. Вполне способны к самостоятельному существованию обязательства по нераспространению конфиденциальной информации, по отказу от коммерческой деятельности на определённом рынке, по воздержанию от потребления какого-либо ограниченного ресурса. Для обязательств первых двух видов понадобится правовое поле, дозволенное антимонопольным законодательством, а третье, вероятно, потребует и соблюдения санитарных норм⁷.

Ещё один довод против «отрицательных обязательств» возникает из представления об их несоответствии запрету на ограничение правоспособности путём совершения сделок, установленному в п. 3 ст. 22 ГК [Рожкова: 2]. Причём большая посылка этих доводов явно захватывает и возможность признаваемой в этой работе договорённости о воздержании от определённых действий как способе исполнения обязательства по передаче имущественного блага. Представляется, что указанное суждение не принимает во внимание ни сущность обязательства как всеобщего правового средства товарного оборота, ни сущ-

ность противопоставляемого обороту запрета. Там, где договор как основание обязательства является правомерным действием, вмешательство в договорную свободу ввиду того, что избранный сторонами, то есть по определению считающийся взаимовыгодным, способ взаимодействия по перемещению благ якобы лишает одну из сторон абстрактных юридических возможностей, основано на формальном понимании принципа недопустимости ограничения субъектами гражданского права собственной правоспособности. Этот принцип не может вести к ограничению заключения этими субъектами взаимовыгодных сделок⁸. Он призван не допустить возникновение лиц «второго сорта» – тех, кто в силу личной зависимости или иных причин, никак не связанных с получением выгоды, исключает для себя в будущем обладание субъективными правами. Именно поэтому обсуждаемый запрет касается только граждан – о распространении его по аналогии закона на юридические лица и публичные образования с их сконструированной уставными документами юридической личностью речь не идёт и идти не может. Кроме того, нередко можно встретить ошибочное наложение этого принципа на принцип недопустимости договорного определения содержания субъективного права собственности, тогда как закон исключает распоряжение правом собственности без распоряжения вещью, составляющей его объект. Поэтому сделки, предусматривающие отказ от распоряжения вещью, ничтожны ввиду нарушения императивно устанавливаемого в континентальных системах содержания права собственности, но не ввиду нарушения запрета, установленного в п. 3 ст. 22.

Отдельного внимания заслуживают суждения, которые высказывают как сторонники, так и противники «отрицательных обязательств»: речь идёт о низком уровне их совместимости, если признавать их существование, с общими положениями обязательственного права. При этом первые видят в этом повод для исправлений правового режима [Договорное и обязательственное право: 19; Молодавкин 2020: 267], вторые же – повод считать, что исправлять здесь нечего [Власова: 17]. О несостоятельности этого воззрения с точки зрения системного построения общих положений об обязательствах сказано во «Введении». Здесь хотелось бы отметить, что и отдельные примеры такой несовместимости, приводимые сторонниками этого мнения в его поддержку, выглядят неубедительно. Из того понимания обсуждаемого явления и тех его моделей, которые представлены в этой статье, следует, что возможны и зачёт встречных однородных требований по таким обязательствам, а равно их прекращение выплатой отступного или новацией, и частичное их исполнение, и возложение их исполнения на третье лицо, их цедирова-

ние и перевод долга, а также определение начала течения исковой давности. Так, обязательство комитента перед комиссионером о передаче тому имущественного предоставления в виде освобождения от конкуренции, которое исполняется воздержанием от заключения договоров с другими сбытовыми посредниками, в том случае, если комитент передаёт права собственности на товары или заключает иной договор о прекращении коммерческой деятельности на соответствующем рынке услуг с иным лицом, может (и должно) быть исполнено возложением исполнения данного обязательства на то лицо, которому он передаёт права на товары или рынок оказания услуг. Но избавить себя от исполнения такой обязанности вполне способен и путём перевода долга с соблюдением всех применимых правил. Субъективное же право на получение услуги по приобретению доли рынка, оказываемой должником путём воздержания от конкуренции, не обладает никакими особенностями, препятствующими его цессии кредитором тому лицу, которому тот уступает права по сбыту товаров или услуг на этом рынке. Времена, когда российское право не допускало уступки требования из длящегося исполнения, части требования или будущего требования (см. п. 2 и п. 3 ст. 384, ст. 388.1), давно прошли⁹. Ввиду длящейся природы исполнения посредством воздержания от определённого действия не возникает и проблем с определением начала течения исковой давности по требованиям из таких обязательств¹⁰. Аналогично, без всяких видимых проблем, применяются к обязательствам, исполняемым воздержанием от действия, и другие положения обязательственного права, которые сторонники указанной точки зрения считают неприменимыми. В тех же редких случаях, когда это не так (например, когда речь заходит о досрочном исполнении), это вновь обусловлено длящейся природой услуги, составляющей предмет обязательства, и, как говорилось, ни в какой мере не даёт поводов для спекуляций о выделении отрицательных обязательств в самостоятельный юридический анклав, поскольку на эти случаи рассчитана системная оговорка ГК об ином правиле, вытекающем из существа обязательства.

«Отрицательные обязательства» и внешне сходные явления. Наша работа не подразумевает обращения к так называемым «неимущественным» обязательствам в качестве самостоятельного предмета исследования. Самостоятельное изучение «неимущественных» обязательств потребовало бы углубленного обсуждения нематериальных благ, вещных прав (которые часто затрагиваются такими соглашениями), не говоря о терминологических уточнениях. Вместе с тем ввиду того, что примером «отрицательных обязательств» часто служат «неимущественные обязательства», следует сделать несколько оговорок

относительно этих последних. Тем самым мы ещё раз уточним и семантический объём нашего понимания отрицательных обязательств. Сделаем это на практических примерах, которые позволят нам избежать такого отождествления. Но начать нужно с того, что постановка вопроса о допустимости «неимущественных обязательств» страдает терминологической неточностью. Очевидно, что те, кто пытается обосновать их допустимость, ведёт речь не об обязательствах, а о двусторонних (относительных) гражданско-правовых отношениях. Именно в этом значении употребляет это выражение И.А. Покровский в своём известном рассуждении [Покровский: 134]. Когда же термин «обязательство» употребляется в точном научном значении, поводы для выделения неимущественных обязательств отпадают [Агарков: 227]. Думается, что в наше время нет никаких препятствий, в том числе и легальных, для признания правомерности регулятивных относительных отношений с неимущественным содержанием, если соответствующие соглашения не ограничивают правоспособность граждан и (или) не подразумевают оборотоспособность нематериальных благ. Более того, в законодательстве ощущается пробел в регламентации некоторых групп этих отношений, наиболее явным образом – в определении режима конфиденциальной переписки. При этом интерес сторон легко может превратиться в имущественный. Так, вполне правомерным представляется неимущественная обязанность (вовсе не «отрицательное», а равно не «неимущественное», обязательство) юридического лица, обладателя вещного права на нежилое помещение, воздерживаться от проведения вечеринок в определённые договором, принятая им по договору с соседями, проживающими в расположенных рядом жилых помещениях, дневные часы суток. Если эта обязанность установлена за плату, она остаётся неимущественной, поскольку плата за неё не превращает из неимущественного в имущественный интерес соседей – она лишь указывает на имущественную природу интереса пользователя нежилого помещения. Конечно, интерес соседей тоже может оказаться имущественным, о чём будет свидетельствовать требование о возмещении убытков, предъявленное ими в связи с проведением вечеринок юридическим лицом в нарушение договора. Что же касается часто включаемой в договоры авторского заказа обязанности автора не предоставлять своё произведение третьим лицам до обнародования, то и она вполне допустима, хотя и очевидно противоречит абсолютной природе права на обнародование, а потому несоблюдение этой обязанности может повлечь только договорную ответственность, но не сделает недействительной запрещаемую договором сделку.

Часто предлагаемый в качестве примера «отрицательных обязательств» корпоративный договор [Хох-

лов: 33] – в части, в которой он содержит обязанности не приобретать доли (акции) в уставном капитале по цене выше или ниже согласованной сторонами, а также ранее определённых обстоятельств, – не является обязательством в значении этого понятия, которого мы придерживаемся в работе. Предметом такого рода соглашений является осуществление корпоративного управления, а не перемещение товарных благ.

Обязанность хранителя без согласия поклажедателя не пользоваться сданной на хранение вещью иначе чем в целях обеспечения её сохранности (ст. 892) есть не «отрицательное обязательство», а обязанность воздерживаться от пользования имуществом, вещное право на которое принадлежит другому лицу¹¹.

Отдельного упоминания заслуживает сделка *pactum de non cedendo* – соглашение об отказе кредитора от совершения цессии. С нашей точки зрения, эта сделка не порождает «отрицательное обязательство» в том смысле, в каком оно понимается в этой работе, то есть воздержания от действия как способа исполнения обязательства по передаче какого-либо блага. Всё дело в том, что *pactum de non cedendo* – это не сделка, порождающая обязательство, а договорное условие обязательства, независимо от того, является ли само это обязательство договорным, о его субъектном составе. Можно сказать иначе: отказ от цессии – это способ конструирования обязательства, но не способ его исполнения. Было бы странно объявлять такое соглашение основанием возникновения отдельного обязательства, тем самым отрывая соглашение о субъектах обязательства от самого этого обязательства, и при этом ещё пытаться выявить здесь переход между сторонами имущественного блага. Очевидно, что *pactum de non cedendo* вписывается в контекст взаимодействия сторон обязательства, прежде всего согласования их интересов, заданный другими его условиями [Вольфсон 2019: 64].

Наконец, от отрицательных обязательств, объектом которых всегда является передача имущественного блага, необходимо отличать передачу права, что удобно сделать, сопоставляя обязательства с договорами по распоряжению исключительным правом.

В завершении этой работы мы покажем, как сделанные в ней выводы позволяют решить дилемму, которая неоднократно предлагалась в литературе¹² в качестве модельного теста существования как «отрицательных», так и «неимущественных» обязательств. Может ли считаться правомерным соглашением, по которому один из соседей обязуется перед другим соседом за вознаграждение воздерживаться в дневные часы от игры на музыкальном инструменте? Логика, обосновывающая допустимость такого рода обязательства, может отталкиваться от тезиса о его единстве с теми, по которым обязанная сто-

рона распоряжается своим правом пользования (как, например, по договорам аренды, ссуды и жилищного найма), что тождественно ограничению этого права; при таком подходе отличие обязательства о воздержании от игры на музыкальном инструменте от указанных допустимых обязательств виделось бы только в том, что оно способствует приращению имущества «кредитора» без передачи имущественного блага (пользования объектом собственности), то есть является правомерным отрицательным обязательством. Но этот тезис ошибочен. Обязательства из договоров аренды, ссуды и найма являются обязательствами по передаче вещи как имущественно-стоимостного блага; вещь является по экономической сути своей товаром. Ничего подобного не происходит при принятии на себя ограничений по пользованию жилым помещением, которые *не* сопровождаются передачей этого помещения контрагенту. Во-первых, как уже отмечалось, такая сделка исключена императивно определяемым содержанием права собственности: им нельзя распорядиться (в том числе и без его отчуждения), не распорядившись вещью; право собственности, как право вещное, неотделимо от вещи в континентальном правопорядке. Во-вторых, это соглашение не имеет отношения к обязательствам ввиду невозможности указать на передаваемое стоимостное благо в хозяйственное обладание кредитора – жилое помещение не выступает здесь как товарное благо. В-третьих, по этой же причине оно противоречит ст. 40 Конституции, гарантирующей каждому гражданину право на жилище. Нет сомнений, что жилище в конституционном смысле является иным объектом прав, нежели жилое помещение как объект гражданских прав; это не только изолированное жилое помещение, имеющее признаки недвижимости и пригодное для постоянного проживания граждан (п. 1 ст. 141.4 и гл. 18 ГК); но и помещение, по существу своему предназначенное для удовлетворения их жилищных нужд. Ограничение в удовлетворении жилищных нужд недопустимо; не должно быть граждан разного «сорта» по отношению к этой фундаментальной социальной гарантии. Причём лишение себя права заниматься музыкой в своём жилище – относительно невинный, но методологически бесценный пример: если бы соответствующая сделка считалась правомерной, она открывала бы юридической мысли дальнейшие перспективы – тогда можно вообразить сделки, по которым гражданин-собственник, пусть и за плату, не вправе был бы появляться у себя дома или, наоборот, покидать жилое помещение лишь по разрешению или с предварительным уведомлением другого лица, либо же обязан был находиться в определённой комнате своей квартиры. В-четвёртых, ограничение собственного права на жилище может образовывать и добровольное ограниче-

ние правоспособности (п. 3 ст. 22 – например, при отказе от возможности покидать жилое помещение).

Заключение. Таким образом, в так называемых «отрицательных обязательствах» осуществляется юридически значимый переход имущественно-стоимостных благ посредством особого способа исполнения – воздержания от фактических действий. Следовательно, как легальное, так и доктринальное выделение отрицательных обязательств в качестве самостоятельного, отдельного от «положительных обязательств» вида является ошибкой. Тем не менее во избежание раскрытой выше институциональной путаницы между действием как юридическим понятием, составляющим предмет обязательства (как обязанности) и его содержанием (как правоотношения), с одной стороны, и фактическим действием в виде активного поведения, с другой, следовало бы указать на то, что обязательства могут исполняться воздержанием от действия.

Примечания

¹ Укажем здесь как на некоторых сторонников, так и противников этого деления из числа известных цивилистов, чьи воззрения не представлены в этой работе ввиду ограниченности её объёма и задач. К первым можно отнести И.Б. Новицкого, В.А. Рясенцева, Е.А. Суханова; к их оппонентам – Д.И. Мейера, В.П. Грибанова, В.С. Толстого, М.В. Кротова, Н.Д. Егорова, В.А. Белова, В.В. Грачёва.

² Так, по мнению А.Г. Карапетова, «большая часть норм общей части обязательственного права сформулирована путем индуктивного обобщения частных коллизий и споров, подавляющее число из которых возникло в связи с обязательствами позитивными, и поэтому их применение к негативным обязательствам часто невозможно или требует тех или иных модификаций» [Договорное и обязательственное право: 19]. Сходные высказывания можно встретить и у других авторов [Молодавкин 2020: 266].

³ Ранее во французской доктрине такие обязательства выделялись. Так, Л. Жюллио де ла Морандьер указывал на три основных вида обязательств: «обязательство передать», обязательство совершить определённое действие и обязательство воздержаться или воздерживаться от определённых действий, «в силу которого должник обязан к несовершению соответствующих действий (продавец торгового предприятия обязывается перед его приобретателем не открывать в городе предприятия, однородного с проданным)» [Морандьер: 59].

⁴ Деление обязательства на положительные и отрицательные не обнаруживает явной корреляции с годом кодификации гражданского законодательства. Оно имеется, напр., в ГК Чехии 2012 г. (ст. 1789), Испании 1889 г. (ст. 1088), Бразилии (ст. 250–251), За-

коне об обязательствах Швейцарии (ст. 98), в ст. 398 ГК Португалии 1966 г., подобно ГГУ, говорится о возможности отрицательного предоставления; сходные положения предусматривает ГК Квебека (ст. 1373). Это деление отсутствует в ГК Италии 1942 г., в ГК Румынии 2011 г. К способу исполнения обязательств отнесено воздержание от действия в ст. III. – 1:102 (2) Модельных правил европейского частного права (далее – DCFR).

⁵ Согласно известному указанию Г.Ф. Шершеневича, «подведение под понятие “действие” воздержания не составляет противоречия; воздержание не есть бездействие, – это не отсутствие воли, направленной на определенный результат, а, напротив, наличие такой воли» [Шершеневич: 144]. Учёный приводит и примеры таких обязательств: «договор о том, чтобы одно лицо однородной торговлей не подрывало дела другого, или договор издательский, в силу которого автор, уступая издателю права издания, обязывается не издавать сам своего сочинения, хотя бы и со значительно изменённым содержанием, но под тем же заглавием» [Шершеневич: 144]. Таким образом, он не поддерживает выделение этих обязательств в разряд, обладающий тем же иерархическим уровнем, что и положительные обязательства, хотя и говорит об обязательствах с «отрицательным содержанием».

⁶ Отсюда уже остается один шаг до признания «отрицательными обязательствами» вообще всяческих воздержаний, даже тех, которые равноценны отсутствию субъективного права – и тогда воздержанием объявляются, например, «обязательство» арендодателя смириться с тем, что его вещь пользуется арендатор [Большакова: 21]. Критику категории *pati*, особенно в смешении с *non-facere*, см. у М.М. Агаркова [Агарков: 213; 281–285].

⁷ В гражданском законодательстве также есть нормы, которые запрещают подобные сделки, если они устанавливают обязательство не вступать в правоотношения с лицами, не соответствующими определённому категориальному либо территориальному критерию (п. 3 ст. 1007). Обычно в литературе данное ограничение рассматривается как антимонопольная мера – таково, например, мнение М.В. Кротова [Возмездное оказание услуг: 180]. Если это так, то подобное вторжение другой отрасли права в поле гражданско-правового регулирования следует считать системной нормотворческой ошибкой. Однако правильнее было бы, исходя из контекста, задаваемого отраслевой принадлежностью, усматривать здесь попытку не допустить ограничение правоспособности.

⁸ См. п. 9. Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с приме-

нием положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре», в котором было признана совместимость отрицательных ковенантов кредитного договора с запретом на добровольное ограничение правоспособности.

⁹ Первые правовые позиции ВАС, допускавшие уступку требований из длящихся обязательств, а также уступку части требования, появились ещё в начале нулевых годов: Постановления Президиума ВАС РФ от 9 октября 2001 г. № 42105/00, от 18 декабря 2001 г. № 8955/90, от 25 декабря 2001 г. № 164/01.

¹⁰ То, что срок исковой давности по обязательствам с определённым сроком исполнения начинается по окончании срока исполнения, вовсе не ставит должника «в невыгодное положение, растягивая срок исковой давности» [Молодавкин 2020: 267]: как во всех обязательствах с длящимся исполнением, давность начинает течь после каждого нарушения (см., например, ст. III. – 7:203 DCFR). А то, что в таком рассуждении ошибочно представляется сроком исполнения, в действительности является сроком самого обязательства.

¹¹ Что возвращает нас к критике категории *pati* – см. об этом выше.

¹² См., например, об этом у И.А. Покровского, который использовал этот пример как довод, подтверждающий существование неимущественных обязательств [Покровский: 134–136].

Список литературы

Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. Москва: АО «Центр ЮрИнФОР», 2002. 490 с.

Большакова А.Д. Негативные обязательства по праву России и зарубежных стран // Юридическая наука. 2020. № 5. С. 20–24.

Возмездное оказание услуг. Поручение. Действия без поручения. Комиссия. Агентирование: Пост. комментарий гл. 39, 49–52 ГК РФ / под ред. П.В. Крашенинникова. Москва: Статут, 2011. 192 с.

Власова А.В. Структура субъективного гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1998. 28 с.

Вольфсон В.Л. Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом. Москва: Проспект, 2019. 80 с.

Вольфсон В.Л. Об интересе автора в распространении репутации его уникального интеллектуального решения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 141–168.

Вольфсон В.Л. Теория злоупотребления правом. Москва: Проспект, 2023. 160 с.

Груздев В.В. Осуществление субъективных гражданских прав и исполнение гражданско-правовых

обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 91–96.

Де ла Морандьер Ж. Гражданское право Франции. Москва: Изд-во юрид. лит-ры, 1958. 742 с.

Договорное и обязательственное право (общая часть): Постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; под ред. А.Г. Карапетова. Москва: М-ЛОГОС, 2017. 1120 с.

Иоффе О.С. Обязательственное право. Москва: Юридическая литература, 1975. 880 с.

Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 2. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. Москва: Статут, 2012. 453 с.

Молодавкин В.И. Исполнение негативных обязательств в системе юридических фактов // Инновационный дискурс развития современной науки: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 3 июня 2021 года). Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука», 2021. С. 129–133.

Молодавкин В.И. Негативные обязательства: некоторые проблемы правового регулирования // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 266–268.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 1998. 353 с. (Классика российской цивилистики).

Рожкова М.А. К вопросу о динамике обязательств / подг. для «СПС КонсультантПлюс». 2002. С. 2. URL: <https://rozhkova.com/pdf/AR19.pdf> (дата обращения: 6.10.2023).

Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учеб. пособие. Москва: Статут, 2015. 288 с.

Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. Москва: Юрайт, 2023. 450 с.

References

Agarkov M.M. *Obiazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Obligation in the Soviet Civil Law]. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Obligation in the Soviet Civil Law [Selected Works on the Civil Law]: in 2 vols., vol. 1. Moscow, Tsentr IurInfoR Publ., 2002, 490 p. (In Russ.)

Bol'shakova A.D. *Negativnye obiazatel'stva po pravu Rossii i zarubezhnykh stran* [Restrictive Covenants in Russian and Foreign Legislation]. *Iuridicheskaia nauka* [Legal Science], 2020, No. 5, pp. 20–24. (In Russ.)

De la Morand'er Zh. *Grazhdanskoe pravo Frantsii* [French Civil Law]. Moscow, Izdatel'stvo iuridicheskoi literatury Publ., 1958, 742 p. (In Russ.)

Dogovornoe i obiazatel'stvennoe pravo (obshchaia chast'): *Postateinyi kommentarii k stat'iam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Contract and Obligation Law (General Part): Article-by-article commentary to the Art. 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation], V.V. Baibak, R.S. Bevzenko, O.A. Beliaeva and etc., ed. by A.G. Karapetov. Moscow, M-LOGOS Publ., 2017, 1120 p. (In Russ.)

Gruzdev V.V. *Osushchestvlenie sub"ektivnykh grazhdanskikh prav i ispolnenie grazhdansko-pravovykh obiazannostei* [The Implementation of Subjective Civil Rights and Fulfillment of Civil Law Duties]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2017, No. 8, pp. 91–96. (In Russ.)

Ioffe O.S. *Obiazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligation]. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ., 1975, 880 p. (In Russ.)

Karapetov A.G., Savel'ev A.I. *Svoboda dogovora i ee predely: v 2 t. T. 2. Predely svobody opredeleniia uslovii dogovora v zarubezhnom i rossiiskom prave* [Freedom of Contract and Its Limits: in 2 vols. Vol. 2. The Limits of Freedom to Establish the Provisions of Contract in Foreign and Russian Law]. Moscow, Statut Publ., 2012, 453 p. (In Russ.)

Khokhlov V.A. *Obshchie polozheniia ob obiazatel'stvakh: Uchebnoe posobie* [General Provisions on Obligations. Study Guide]. Moscow, Statut Publ., 2015, 288 p. (In Russ.)

Molodavkin V.I. *Ispolnenie negativnykh obiazatel'stv v sisteme iuridicheskikh faktov* [The Fulfillment of Negative Obligations in the System of Juridical Facts]. *Innovatsionnyi diskurs razvitiia sovremennoi nauki: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Petrozavodsk, 3 iyunia 2021 goda.* [The Innovational Discourse in the Development of Modern Science. Collected papers of the 5th International Scientific Practical Conference. Petrozavodsk, June 3, 2021]. Petrozavodsk, Novaia nauka Publ., 2021, pp. 129–133. (In Russ.)

Molodavkin V.I. *Negativnye obiazatel'stva: nekotorye problemy pravovogo regulirovaniia* [Negative Obligations: Some Issues of Legal Regime]. *Molodoi uchenyi* [Young Scholar], 2020, No. 23 (313), pp. 266–268. (In Russ.)

Pokrovskii I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of the Civil Law]. Moscow, Statut Publ., the series 'Classic Texts of the Russian Civil Law Science', 1998, 353 p. (In Russ.)

Rozhkova M.A. *K voprosu o dinamike obiazatel'stv* [On the Issue of the Inner Movement in Obligations]. «SPS Konsul'tantPlius» [Legislation Assistant System 'Consultant Plus'], 2002, p. 2. URL: <https://rozhkova.com/pdf/AR19.pdf> (access date: 6.10.2023). (In Russ.)

Shershenovich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava: v 2 t. T. 2. Ossobennaya Chast'* [The Textbook on the Russian Civil Law: in 2 vols., vol. 2. Special Part]. Moscow, Iurait Publ., 2023, 450 p. (In Russ.)

Vlasova A.V. *Struktura sub"ektivnogo grazhdanskogo prava: avto-ref. dis. ... kand. iurid. nauk* [The Structure of Subjective Civil Law: Candidate's Dissertation ... in Juridical Sciences]

ture of Subjective Civil-Law Right: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 1998, 28 p. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Teoriia zloupotrebleniia pravom* [Abuse of Law as a Theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2023, 160 p. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Nedobrosovestnost' kak diagnoz zloupotrebleniia sub"ektivnym grazhdanskim pravom* [Bad Faith as a Diagnosis of Abuse of Law in the Exercise of Subjective Right]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, 80 p. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Ob interese avtora v rasprostraneniі reputatsii ego unikal'nogo intellektual'nogo resheniia* [The Author's Interest in Disseminating Reputation of a Unique Intellectual Creation]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* [The Journal of the Intellec-

tual Property Rights Court], 2021, No. 3 (33), pp. 141-168. (In Russ.)

Vozmezdnoe okazanie uslug. Poruchenie. Deistviia bez porucheniia. Ko-missii. Agentirovanie: Post. komentarii gl. 39, 49-52 GK RF [Paid Provision of Services. Assignment. Actions without Instructions. Commission. Agency: Article-by-article commentary to Chapters 39, 49-52 of the CC of the RF], ed. by P.V. Krasheninnikov. Moscow, Statut Publ., 2011, 192 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 27.11.2023.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 27.11.2023.